

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ОБРАЗНО-СМЫСЛОВОЙ СИСТЕМЕ ПОЭМЫ Г. ГОЛОХВАСТОВА «ГИБЕЛЬ АТЛАНТИДЫ»

Баркар Елизавета Александровна

магистрант, Северо-Кавказский Федеральный Университет, РФ, г. Ставрополь

Proper name in the figurative-semantic system of G. Golokhvastov's poem "The Death of Atlantis"

Elizaveta Barkar

student, North Caucasus Federal University, Russia, Stavropol

Аннотация. Данная статья посвящена изучению образно-смысловой системы поэмы «Гибель Атлантиды» Г. Голохвастова в аспекте введенных в художественное целое имен собственных. Основные методы исследования: культурно-исторический, ориентированный на изучение связи произведения с исторической традицией и структурный, направленный на анализ текста с целью установления принципов организации в художественное целое всех элементов произведения. Применение данных методов позволило выявить значение имени собственного для формирования образно-смыслового единства поэмы.

Abstract. This article is devoted to the study of the figurative-semantic system of the poem "The Death of Atlantis" by G. Golokhvastov in the aspect of proper names introduced into the artistic whole. The main research methods: cultural-historical, focused on the study of the connection of the work with historical tradition and structural, aimed at analyzing the text in order to establish the principles of organizing all the elements of the work into an artistic whole. The use of these methods allowed to reveal the meaning of the proper name for the formation of the figurative-semantic unity of the poem.

Ключевые слова: Имя собственное; значение поэтонимов; функции поэтонимов; образно-смысловая система; образ.

Keywords: Proper name; the meaning of the poem; the function of the poem; figurative-semantic system; image.

Художественный образ является многозначным, это обуславливает феномен многозначности его восприятия. Однако возможность адекватно интерпретировать его всегда есть, так как структура художественного целого имеет определенную систему, в которой организуется смысловое пространство произведения.

«Поэтическое имя (поэтоним) – Имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции...» [6, с. 96].

Поэтотим, функционируя в художественном произведении, качественно преобразуется и отличается от имени собственного как языкового явления. Определенная замкнутость художественного пространства позволяет поэтическому имени вносить в произведение определенные смыслы; безграничность интерпретаций, интерсексуальность, необычность употребления позволяет реализовать новые значения имени собственного. Б.В. Томашевский, рассматривая специфику слова в художественной речи отмечал: «Слово как бы получает новое значение (вступает в новые ассоциации)» [7, с. 33].

Философско-эзотерическая эпическая поэма «Гибель Атлантиды» Голохвастова представляет собой сложноорганизованную систему, в которой функционирует множество смыслов. В произведении эпический размах преломляется через онтологические вопросы человеческого существования. Связь с мифом об Атлантиде организует поле эзотерических изысканий. В образно-смысловой системе поэмы наблюдается синтез культурных, религиозно-эзотерических, философских концепций, которые формируются во многом за счет использования различных имен собственных.

Введение того или иного поэтотима непосредственно дополняет смысловую структуру художественного целого, выполняет смыслоорганизующую функцию [5, с. 37]. Например, введение мифонимов «*Оракул Парнаса*», «*Немезида*».

Поэтические мифонимы – наименования мифологических персонажей, предметов, животных и т.д., используемых в произведении.

Повествование в поэме ведется от лица лирического героя. В первой части описывается постепенное перемещение героя из пространства реального для него в мифологическое (в реальность Атлантиды), которая остается для него объективной. Преодоление границ между мирами реализуется посредством углубления в чтение произведений античного философа Платона.

Оракул Парнаса. Лирический герой задумывается над истинной причиной падения Атлантиды, результатом которой становится нравственное раствление жителей великого государства:

«То суд ли Божий? Природы ль закон?

Никто не знает! Оракул Парнаса

Молчит, не выдав ни дел, ни имен;

Молчат пророки древнейших времен,

Не помнит странник из Галикарнаса

О том, что слышал в Саисе Солон,

И даже сам провозвестник Платон

Скрывает правду последнего часа...» [3, с. 214].

В данном случае слово «*Оракул*» выступает в качестве имени собственного, и это не случайно. Речь идет об оракуле (жреце прорицателе воли божества) при храме в Дельфах на горе Парнас. Изначально оракул принадлежал Гее – древнегреческой богине Земли, у которой был впоследствии отнят Аполлоном. В поэме реализуется скрытое противопоставление провозвестников воли Земли и Неба, это происходит за счет включения в образно-смысловую систему поэмы «пророков древнейших времен», которые так же, как и оракул хранят тайну падения человеческой природы (**Пророк**, -а; м. 1. По воззрениям различных религий: провозвестник и истолкователи воли Бога. *Ветхозаветные пророки*. 2. Предсказатель будущего [4, с. 641], в поэме два значения синтезируются). Так, формируются первые предпосылки к пониманию непостижимости этого знания.

В России в начале XX века тема падения Атлантиды являлась особенно актуальной в связи с кризисными моментами истории. Интерес к платоновским сказаниям «Критий» и «Тимей», к которым отсылает антропоним «Платон» в самом начале произведения, обусловлен особым мистическим мироощущением эпохи. Гибель идеального государства воспринималась многими авторами как своеобразное пророчество о конце света. Данный сюжет имел особое значение для писателей, подобно Голохвастову, вынужденных покинуть родину. Как отмечает А. Воронин: «Для эмигрантов былая дореволюционная Россия стала Русской Атлантидой» [1, с. 524].

Немезида. Не в силах устоять перед желанием понять то, что недоступно сознанию человека, лирический герой чувствует вину:

«Узнать! Издревле забытую повесть

Узнать я вправе! Бессмертная совесть

Укор твердит мне. Какой же виной

*Я встарь навлек приговор **Немезиды,***

Чтоб мог с тех пор тяготеть надо мной

Безвестно-страшный конец Атлантиды?!» [3, с. 216].

Введение в художественную систему поэмы данного мифонима актуализирует значение непонятной лирическому герою вины, так как Немезида является древнегреческой богиней возмездия. Обоснованием употребления именно этого мифонима является тяготение лирического героя к запретному знанию, которое оставили в тайне древние пророки и «Оракул Парнаса», являющиеся своеобразными символами воли Неба и Земли. Именно за нарушение этого запрета может последовать наказание, и это чувствует лирический герой. Так, актуализируется идея недоступного человеку знания онтологических основ существования. Стоит отметить, что в начале XX в. среди русских писателей наблюдался особый интерес к данной проблеме в связи с особым мистическим мироощущением эпохи. Акт творческого познания был одним из средств приближения к недоступной и желанной истине.

Введение различных имен собственных способствует синтезированию различных философских, культурных, религиозно-эзотерических концепций в структуре ряда образов. Например, употребление библионимов «Библии» и «Веды», теонимов «Атон», «Диск», «Солнце Правды», «Ра», «Творец».

Поэтические библионимы – названия письменного (-ых) текста (-ов), используемых в художественном произведении (Библия, Ведомости и т.д.);

Библия. Веды. Перед тем, как лирический герой оказывается в другом измерении, он минует границы миров, перемещаясь в древний мир в обратном историческом направлении:

«И ход тяжелый скрипучей телеги

Упорно в чащи врезает свой след;

Горит религий восторженный бред,

Дрожат на лирах созвучья элегий,

И сонмы старцев в затишьи бесед

*Чеканят мудрость для **Библий и Вед**»* [3, с. 218].

Употребление библионимов «Библии» и «Веды» вместе, при переходе лирического героя из одного пространства в другое способствуют формированию образа Атлантиды как

религиозного источника, в котором сконцентрированы различные известные человечеству теологические концепции. Так, происходит идеализация погибшего государства с точки зрения его религиозной полноценности. Общий контекст – повествование об Атлантиде организует смысловое пространство древнегреческих теологических воззрений, употребление имени собственного «Библии» организует христианское и иудейское начала, упоминание о «Ведах» отсылает к священным текстам индийской культуры.

Поэтические теонимы – наименования божеств, используемых в художественном произведении.

Атон. Диск. Солнце Правды. Ра. Атон – «в егип. миф. олицетв. солнеч. диска. Первонач. А. – одна из ипостасей богов солнца» [2, с. 102]. Позднее, во время правления Аменхотепа III Атон выступает как воплощение всех главных богов солнца. В поэме употребление данного теонима реализуется в момент одного из первых размышлений лирического героя о сохранении в разных цивилизациях отголосков древней культуры атлантов:

«Поднесь, как эхо, их быт отражен

Чертой нежданной в быту папуаса,

*Их мыслью в солнце **Атон** воплощен»* [3, с. 214].

Употребление имени «Атон» расширяет границы теологической полноценности идеального государства, включая в него египетское божество. Особое место занимает поэтический теоним «Диск», который функционирует в поэме в качестве имени собственного и на смысловом уровне связан с указанным выше божеством; их объединяет понятие солнечного «диска», олицетворяющего светлое начало. «Солнце Правды» также содержит значение света. Необходимо отметить, что данное имя способствует качественному соединению не только египетских божеств, но и других его вариантов, воплощенных в разных культурах (Аполлон в греческой мифологии, Хорс в славянской и т.д.). Так, происходит формирование истинного, являющегося источником для всех вышеуказанных теологических концепций, образа божества Атлантиды, который помогает лирическому герою «прозреть» и преодолеть границы миров:

*«И я пред **Диском** с простою хвалой*

Поник, дивясь воскресения чуду,

Молясь за новый нежданный удел!

...

*Но **Солнце Правды** над мраком и ложью*

Победно всходит. Я вдруг узнаю

В стране безвестной отчизну свою...» [3, с. 222-223].

Перемещение лирического героя завершается тем, что он «вспоминает» свою жизнь в Атлантиде:

«Я знаю ширь полевого ковра,

Селений мирных радушные виды

И мощный город, шумящий с утра.

Все это было, как будто вчера!

Я вспомнил! Вспомнил! Я – жрец Атлантиды,

Верховный маг светозарного **Ра**» [3, с. 223].

Введение египетского бога солнца «*Ра*» логически завершает образ божества Атлантиды, как существа, в котором сосредоточены свет и истина. Однако этим не ограничивается его развитие.

Творец. Автор совмещает платоновскую историю о божественном происхождении Атлантиды с христианскими представлениями о создании рая и падении человека после нарушения данного им закона:

«Цвела та жизнь без греха и печалей,

Пока священный Начальный Завет

Хранили твердо людей поколенья,

...

Но грех родился и рай угасил

Среди борьбы созидательных сил

...

Угасло утро беспечного счастья;

Как в полдень дымкой подернулся мир,

*А Лик **Творца** – животворный потир –*

Померк и скрылся. Лишившись причастья

Небесной жизни, порочности тлен

Вкусили люди в грехе сладострастья» [3, с. 226].

Употребление поэтического теонима «*Творец*» с учетом распространенного варианта обозначения бога в христианстве и использованием типичных для данной теологической концепции слов «*грех*», «*рай*», «*причастие*» подчеркивает идею о создании мира Атлантиды по лекалам христианского варианта создания земли. Введение данного имени также дополняет образ божества Атлантиды: актуализируются аскетические черты, свойственные христианским воззрениям.

В поэме синтез религиозных представлений в структуре образа Атлантиды как источника различных теологических концепций и образа божества Атлантиды, приобретает особое значение, так как они согласуются с основной идеей поэмы – «Законом Единства» («*И хлынул свет в прояснении мысли; // Весь смысл былого восстал предо мной: // Закон Единства – закон основной!*» [3, с. 222]), который в первой главе связан с объединением теологических концепций, во второй и третьей главах – факт единения человеческой и божественной природы, нарушенной еще в начале времен (см. *Творец*). Последнее формирует первые предпосылки к пониманию невозможности сохранения идеального государства. После первой потери связи с богом, единение является недостижимым, а попытки реализовать его в фокусе человеческого знания, ведут к гибели Атлантиды.

Список литературы:

1. Воронин А. Русский эпос об Атлантиде Георгия Голохвостова и Атлантическая Традиция. // Гибель Атлантиды. Стихотворения, поэма. – М.: Водолей, 2008. – С. 520 – 556.

2. Гладкий В.Д. Древний мир. Энциклопедический словарь. В 2-х томах. Т. 2. – М.: Центрполиграф В.Д., 1998 – 478.
3. Голохвастов Г. Гибель Атлантиды. Стихотворения, поэма. – М.: Водолей, 2008. – 576 с.
4. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004. – 960 с.
5. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. М., 1986. – № 4. – С. 34 – 40.
6. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
7. Томашевский Б.В. теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие / Вступ. статья Н.Д. Тмарченко; Комм. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тмарченко. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 334 с.